

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность?

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы весьма значимого периода в политической истории Европы — начального этапа Нового времени. Возрастание европейских империй, а затем и национальных государств заставляет обратить внимание исследователя на два фундаментальных политико-государственных процесса, сопровождающих эти события, — на идею государственного единства и идею суверенной национальной государственности. Эпоха раннего Нового времени — взлет политико-правовой мысли и практики в области архитектуры государств. То будут новые государства, противопоставляющие себя средневековым, претендующие на неведомое доселе могущество, подкрепляемое культурными кодами понятий «народ» и «нация». Рим как политический идеал утвердится в политико-правовом пространстве и сакрализуется через философию и Римско-католическую церковь. Всё это неслучайно. Рим, ставящий во главу угла порядок, столь необходимый для политического единства и политической целостности любого государства, — это еще и миф о великой нации.

Ключевые слова: власть, государство, империя, суверенитет, порядок, солидарность, целостность, единство, легальность, легитимность, управление, право, закон

**Игорь Андреевич
ИСАЕВ,**

заведующий кафедрой
истории государства
и права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель
науки РФ

iaisaev@msal.ru

125933, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.023-030

Igor A. ISAEV,

Head, Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Dr. Sci. (Law), Professor,

Honored Scientist of the Russian Federation

iaisaev@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

At the Entrance to the Early Modern Period: Political Unity or Political Integrity?

Abstract. The article scrutinises the problems of a very significant period in the political history of Europe — the initial stage of the Early Modern Period. The rise of European empires and then of nation states makes the researcher pay attention to two fundamental political-state processes that accompany these events — the idea of state unity and the idea of sovereign national statehood. The Early Modern Period is a rise of political and legal thought and practice in the field of state architecture. These will be new states, opposing

© Исаев И. А., 2024

the medieval ones, claiming a hitherto unknown power, supported by the cultural codes of the concepts of «people» and «nation». Rome as a political ideal will be established in the political-legal space and sanctified through philosophy and the Roman Catholic Church. All this is not accidental. Rome, which prioritizes order, so essential to the political unity and political integrity of any state, is also the myth of the great nation.

Keywords: power, state, empire, sovereignty, order, solidarity, integrity, unity, legality, legitimacy, governance, law, a law

При переходе к Новому времени централизация государственной власти и государственной территории оказывается генеральной линией политических преобразований. Пространственная централизация повлекла за собой появление устойчивых определенных политических центров — столичных городов.

Центры политических обществ в ходе развития меняли конкретное содержание символов своей легитимности. *«Новые режимы либо приспособливали к себе эти символы, либо усваивали их; однако такие политические изменения не воспринимались как новая символическая концепция политического порядка или его легитимизации»* (Шмуэль Эйзенштадт)¹. Правовая надстройка должна была и учитывать традиции, и сохранять союз с империями — сложным конгломератом социальных, национальных, идеологических институций, — используя более общие и декларативные приемы выстраивания нормативной системы.

Основной политической мыслью такого центра, как Древний Рим, было не расширение, а концентрация: исторические события вынудили государство распространяться вокруг прочного центра. В моменты максимального расширения Империи демонстрировались суровое самообладание и самоуважение. В том тайна римской силы: Рим проявил себя так, будучи истинно политической нацией. Подобные качества позже перейдут к Римско-католической церкви. Ограниченная римская мысль расщеплялась до мысли универсальной империи, что было очевидной заслугой церкви и в итоге приводило к преображению древней имперской идеи в идею теократическую. *«Государства, в которые растворилась Римская империя, ссылаются на состояние империи до этого растворения»*² (Карл Савиньи). Рим — не только великое прошлое и память политического порядка, он *«дал оружие обоим идеалам, обеим политикам, как универсализму, так и национализму»*³.

Будучи реальностью с двумя антонимичными аспектами, государство стремилось сочетать интеграцию с господством. Генезис нововременных государств Европы заключался в поступательном движении к более высокой степени универсализации (делокализации), монополизации, концентрации власти. Создавались

¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. С. 125.

² Цит. по: Чемберлен Х. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. СПб. : Русский Миръ, 2012. Т. 2. С. 103.

³ Чемберлен Х. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. СПб. : Русский Миръ, 2012. Т. 2. С. 110.

условия для централизованного господства. Происходил процесс унификации пространства: от зарождения центральной власти до единообразия как географического, так и социального пространства. *«Партикуляризм, связанный с локализацией в социальном или географическом пространстве, уничтожается, превращаясь из автономного элемента, который может мыслиться в себе и для себя, в часть, соотносимую с центральной нормой»*⁴ (Пьер Бурдьё).

Империя не только управляет территориями и населением, она создает мир, где существует сама. Ее характеризует отсутствие границ, беспредельное владычество. Так проявляется качество пространственной всеобщности, претензия на мировое господство. Территориально закрепленный центр власти уже не имеет особого значения: рождается сетевая система властвования. Децентрализация имперской власти ведет к разделению и локализации суверенитетов, что в значительной мере обусловит конфессиональные, культурные конфликты будущего, когда на политическую арену выйдут собственно национальные интересы и национальные суверенитеты.

В политической мысли эпохи Ренессанса, в XV—XVII вв., возникают понятия «учреждающая власть» и «формативная способность исторического движения». В учреждающей власти парадоксальным образом сочетается рациональное с иррациональным. У Макса Вебера такой тип легитимности располагается между харизматической и рациональной властью. *«От первой учреждающая власть получает насилие инновации, — считает Антонио Негри, — от второй — конституцированную инструментальность»*⁵. Право и конституция следуют за утверждающей властью, придающей им рациональность и облик.

Из Вестфальского соглашения вырастает новая форма государственности и государственного порядка. Процесс был сложным и неоднозначным:

- вначале политическое сообщество воспринимается как что-то неизбежно ограниченное и в то же время суверенное, а государство является неким центром, границы которого проницаемы, нечетки, и отдельные внутриимперские суверенитеты неощутимо переходят один в другой;
- затем государственный суверенитет *«полностью, монотонно и равномерно распространяется на каждый квадратный сантиметр законодательно ограниченной территории»*⁶.

Рождается «политическое государство». Отныне действуют не личностные отношения раннего феодализма, а ориентированные на статусы и нормы формализованные связи. Именно в политике воля к власти становится волей к созданию правопорядка, и когда она *«достигает своей цели, руководство часто превращается в господство»*⁷. Руководство есть функциональное понятие. Задачей

⁴ Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992). М. : Дело, 2016. С. 419.

⁵ Негри А. Учреждающая власть. Трактат об альтернативах Нового времени. СПб. : Владимир Даль, 2024. С. 70.

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. С. 65.

⁷ Трипель Г. Гегемония. Книга о государствах-лидерах // Философия вождизма : хрестоматия по вождеведению / под ред. В. Б. Авдеева. М. : Белые альвы, 2006. С. 569.

здесь может быть интеграция или движение к определенной цели, но в любом случае суверен определяет эту цель.

Стремление к единству предполагает динамику и целенаправленную деятельность. Целостность требует четкой организованности пространства, объединение постоянно трансформирует его, допуская альтернативные, часто непрогнозируемые решения. Целостность статична, ее идеал преодолевает временные рамки, закрепляя пространственные. Национальная государственность исходит из идеи целостности, т.е. наличия государственного, культурного, экономического, органического целого нации. Имперское единство всегда плюралистично, не признает внутренних границ, постоянно имея в виду расширение границ внешних.

Единство («что освобождает от поисков свободы») и целостность («что отстраняет от расколов и раздоров»⁸) — цели нововременной государственной политики.

Рождение собственно политического пространства власти потребовало изменения формы и содержания политической теологии, трансцендентной конструкции, которая обосновывала и легитимировала формирующуюся власть суверена. Средневековая теократическая модель уступала место новым формам и источникам легитимации.

Мощным символом оставался образ Римской империи, Средневековье широко пользовалось им: церковь смогла воплотить его в своих институциональных структурах. И с приходом Нового времени он сохранял свою действенную силу, оставаясь общепризнанным образцом идеальной государственности (Священная Римская империя прямо позиционировала себя преемницей Римской империи, Московская держава определяла себя как Третий Рим). Грядущее тысячелетнее царство, или третье царство Духа, в трактовке Иоахима Флорского, делало идею империи центром своих интеллектуально-политических построений.

Аспекты имперской государственной модели по-разному выделяются различными правовыми учениями. Это будут:

- мир и спокойствие (теория естественного права);
- консенсус и равновесие (теория договора);
- сильная власть (юридический позитивизм);
- структуризация и иерархизация власти (теория институтов).

В империи удерживающий единство принцип есть принцип легитимности, специфическое понятие о справедливости, об особой общественной морали, которая представляется общественным оправданием. *«Легитимность имперского порядка служит обоснованием использования полицейской власти, и в то же самое время действия глобальных полицейских сил демонстрируют реальную эффективность имперского порядка»*⁹. В свою очередь, и легальность «черпает свою предельную легитимацию из того, что является источником всего права — обычного или конституционного, — из легитимирующего принципа, будь то суверенитет народа, божественное право королей или что-то другое»¹⁰.

⁸ Молер А. Консервативная революция в Германии 1918—1932. М. : Тотенбург, 2017. С. 34.

⁹ Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. С. 31.

¹⁰ Штраус Л. Город и человек. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 160.

Имперская идея сметала модель средневековой теократии. Мифология политического единства всё более сосредоточивалась на понятии и образе империи. Уже Иоахим Флорский упразднил различие между земным и небесным. В его богословии *«платоновское соотношение первообраза и его отображения, которые у Оригена и Августина символизировали небесное водительство и земную историю соответственно»*¹¹, есть соотношение внутри земной истории, где Царство небесное — эсхатологическое царство Духа.

Новые символы космического и социального порядков всегда были связаны с политической организацией общества. Коперниканская революция в астрономии (и астрологии) переносила центр тяжести на земные конструкции и правила. В отличие от восточноевропейской византийской традиции, западноевропейское политическое мышление испытывало серьёзную напряжённость в отношении между трансцендентным и мирским, ощущало отсутствие их предустановленности, что приводило к критическому осмыслению фактов человеческого существования. Ярко проявлялись взгляды об альтернативном социальном порядке, например, в утопических конструкциях визионерских мистических сект.

Ранние нововременные имперские формы, только отдаленно напоминавшие римский образец, отличались аморфностью институциональных схем и неартикулированностью пространственных границ. Государственность Священной Римской, Османской, Российской империй находилась в состоянии постоянной трансформации и переходности. Внешнее единство данных образований зависело от степени действенности влияющих на них внешних сил. Тридцатилетняя война в Европе с ее отголосками по всему миру продемонстрировала перспективную силу иного фактора, влияющего на имперские конфигурации изнутри, — формирования национальных государственных организмов.

Вестфальский мир фундирует европейский государственный порядок. Теперь нация — *«способ связывать воедино в целостном восприятии пространство, время и человеческую солидарность»*¹². Термины «народ» и «нация», по Якобу Буркхардту, — это некие коды притязаний на могущество, ибо *«люди хотят всего лишь быть частью чего-то великого, и тем самым они ясно показывают, что могущество есть первая цель»*¹³.

Политическая формула *cuius regio, eius religio*, кроме разрешения конфессиональных проблем, подчеркнула факт окончательного высвобождения политического начала из-под господства трансцендентного мировоззрения, религия и политика разделились. Вместе с этим имперская форма «священная империя», хотя и продолжила свое существование, но оставалась оболочкой — в значительной мере фиктивной — реальных процессов национального государствообразования.

¹¹ Таубес Я. Западная эсхатология. СПб. : Владимир Даль, 2023. С. 176.

¹² Баньковская С. П. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. С. 17—18.

¹³ Цит. по: Вернер К., Гцницер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. С. 614.

Империи будущего XVIII в. были, скорее всего, национальными империями, что само по себе существенно меняло содержание самой идеи!

Принцип государственного единения связывал разнообразные государственные единицы в общее культурно-политическое, религиозное, языковое пространство, уступая место новому принципу целостности. Подчеркивалась изнутри политического организма идущая тенденция к оформлению, постановке границ, в идеале — полной автаркии национального государства (у Иоганна Фихте «закрытое торговое государство»). Определяющий признак и критерий данной тенденции — понятие «государственный суверенитет». На уровне реальной политики изменения происходили:

- в типе режима и способе политического самовыражения;
- отношениях «центр — периферия»;
- символах и основах политической легитимности.

Внутри больших имперских пространств начинают меняться границы и символика политических и артикулируемых национальных сообществ. Правда в том, что *«в имперских системах фактические границы этнических, религиозных, культурных и политических образований, а до некоторой степени и различные институциональные сферы имели тенденцию не совпадать»*¹⁴.

Мифопоэтические мотивы прозвучали и в поздних романтических интерпретациях имперской идеи. У Новалиса «христианская империя» имеет откровенно мифический и трансцендентный характер, служит ностальгическим воспоминанием, желанным чудом. (В оценке Карла Шмитта: *«Новалис поэтизирует короля и очаровательную королеву»*, а *«Адам Мюллер поэтизирует феодальные аграрные отношения»*¹⁵.)

Суверенитет не очень хорошо согласуется с имперской надстрочной виртуальной формой, этим метаюридическим образованием.

Учреждающая власть, разрушающая империи и формирующая, пробуждая стихийные и конструктивные силы, национальные государства, и суверенитет противоположны во всем, даже в абсолютном характере, на который оба претендуют:

- абсолютность суверенитета — тоталитарная концепция;
- абсолютность учреждающей власти — концепция демократического правления¹⁶.

*«Без внешней ограниченности не может состояться внутренняя безграничность»*¹⁷ (Хьюстон Чемберлен). Меж тем внешняя безграничность требует внутреннего ограничения. Римская церковная империя выводит правило быть внутренне ограниченной и внешне безграничной. Стремление к чему-то абсолютному и вечному диктует узкую внутреннюю ограниченность. Римско-католическая церковь дает пример попытки универсального толкования мира и мирового

¹⁴ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект Пресс, 1999. С. 129.

¹⁵ *Шмитт К.* Политический романтизм. М. : Праксис, 2015. С. 210.

¹⁶ См.: *Негри А.* Учреждающая власть. Трактат об альтернативах Нового времени. СПб. : Владимир Даль, 2024. С. 45.

¹⁷ *Чемберлен Х.* Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. СПб. : Русский Мир, 2012. Т. 2. С. 117.

пространства. Будучи соединением противоположностей (по терминологии Карла Шмитта), она включает в себя все формы государства и правления, опирается на свое принципиальное сверхдоминирование над материей жизни человека. Церковь распространяет власть как на живых, так и на мертвых, последних *«она может карать анафемой и адом или вывопить из чистилища к небесному блаженству»*¹⁸. Подобное невозможно для империи. При этом чисто римский рационализм, наделенный институциональными и сущностно юридическими чертами, остается внутри церкви. Одну из ее социологических тайн находим в способности к обретению юридической формы. Сила церкви — в силе репрезентации — *«она репрезентирует самого Христа»*¹⁹.

Желание найти формулу безусловного, или конечных причин, свойственное возрожденческому сознанию, явно питаемому гностической традицией, сотворило два мистических течения: схоластику и теодицею. *«От одной мистической ветви останется нам сага о Фаусте; от другой — разделение церкви»*²⁰. Реформация сохранит этот дуализм и будет:

- с внешней стороны — выражением мистицизма, предписывающего внешнему порядку условия фатализма;
- с внутренней стороны — *«только отголоском политических, реальных мотивов»*²¹.

Рациональное политическое мышление не было способно окончательно упразднить мифологию. Понятие порядка (который у Платона отождествлялся с «распределением», «установлением») применится *«в теодицее менее мифологического, менее эсхатологического характера — в теории естественного права»*²². То будет поворотом к архаике и демонологии апостола Павла. Всякое государство суть:

- проявление власти, управляющей собственной историей;
- нестабильная и опасная распадающаяся/восстанавливающаяся реальность.

Государство, как понимали его в языческие времена, становится частью природы...

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково поле, 2016. — 416 с.
2. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992). — М. : Дело, 2016. — 720 с.
3. Вернер К., Гишницер Ф., Козеллек Р., Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи : в 2 т. — М. : Новое литературное обозрение, 2014. — Т. 2. — С. 322—752.

¹⁸ Чемберлен Х. Указ. соч. Т. 2. С. 117.

¹⁹ Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология : сборник. М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 125.

²⁰ Жуковский Ю. Г. Политические и общественные теории XVI в. М. : Либроком, 2012. С. 95.

²¹ Жуковский Ю. Г. Указ. соч. С. 95.

²² Рикёр П. История и истина. СПб. : Алетеия, 2002. С. 278.

4. Жуковский Ю. Г. Политические и общественные теории XVI в. — М. : Либроком, 2012. — 168 с.
5. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918—1932. — М. : Тотенбург, 2017. — 312 с.
6. Негри А. Учреждающая власть. Трактат об альтернативах Нового времени. — СПб. : Владимир Даль, 2024. — 786 с.
7. Рикёр П. История и истина. — СПб. : Алетейя, 2002. — 400 с.
8. Таубес Я. Западная эсхатология. — СПб. : Владимир Даль, 2023. — 429 с.
9. Трипель Г. Гегемония. Книга о государствах-лидерах // Философия вождизма : хрестоматия по вождеведению / под ред. В. Б. Авдеева. — М. : Белые альвы, 2006. — С. 555—598.
10. Хардт М., Негри А. Империя. — М. : Праксис, 2004. — 440 с.
11. Чемберлен Х. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. — СПб. : Русский Миръ, 2012. — Т. 2. — 478 с.
12. Шмитт К. Политический романтизм. — М. : Праксис, 2015. — 460 с.
13. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология : сборник. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — С. 99—154.
14. Штраус Л. Город и человек. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — 502 с.
15. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М. : Аспект Пресс, 1999. — 416 с.